

Зимнее солнцестояние принесло с собой не только холод, но и волну странных слухов. По городу поползли тревожные толки, сея повсюду панику и смятение.

Впрочем, содержание этих сплетен было довольно причудливым. То болтали о скором конце света, утверждая, что в самом ближайшем будущем всё сущее, включая самих людей, обратится в пепел. То судачили о нападении инопланетных существ — неких девятиголовых и шестируких тварей, которые прилетят на летающих дисках и станут похищать людей прямо с небес.

Конец света? Инопланетные существа?

Слухи разрастались подобно лесному пожару. Любая, даже самая нелепая выдумка обрастала такими подробностями, что казалась правдой. Горожане в ужасе начали скупать зерно и муку, опасаясь, что завтрашний день принесет катастрофу и гибель всего живого.

Чжао Луинь мгновенно поняла, в чем дело, и поспешила к Цзян Ханьчжу.

— Конец света? — спросила она.

— Инопланетные существа? — добавила она же.

— Я просила тебя подлить масла в огонь, но ты что за чушь разнесла? — Чжао Луинь подошла к кровати и потянулась, чтобы стащить с неё одеяло.

Цзян Ханьчжу, словно предвидя это, плотно закуталась в постельное белье. Не открывая глаз, она пробормотала:

— Ну а что? Разве я не идеально справилась с заданием?

Сейчас было около пяти часов утра, небо только начало светлеть. Цзян Ханьчжу смертельно хотела спать и, закрыв глаза, была готова снова провалиться в забытие. Чжао Луинь опустила взгляд и заметила обувь, брошенную у края кровати. Это были самые обычные плетеные лапти, какие можно встретить на любой улице, но в их мелкие отверстия была вплетена овечья шерсть — обувь выглядела пушистой и невероятно удобной. Цзян Ханьчжу вечно мастерила подобные странные вещи, и Чжао Луинь, привыкнув к этому, уже не удивлялась, предпочитая считать это причудами воспаленного ума.

Видя, что подруга снова уснула, Чжао Луинь лишь вздохнула. Будить её не хотелось, и она сама присела на мягкий коврик.

— Госпожа, — раздался за дверью голос Доубао.

— Что случилось?

— Пришли из поместья, передали весть из дворца: император желает вас видеть.

Лю Цзюй уже вернулся? Неужели он услышал эти слухи и поспешил обратно? Неужели подозревает, что это её рук дело? В конце концов, именно она предложила эту затею. Чжао Луинь тяжело вздохнула. Когда она узнала, какую бурю подняла Цзян Ханьчжу, она сразу опасалась, что Лю Цзюй начнет подозревать её. Императоры — люди подозрительные, и если он поймет, что подчиненный скрытно вмешивается в его планы, то может решить, что у того недобрые замыслы.

С такими мыслями Чжао Луинь отправилась во дворец и встретила с Лю Цзюем в зале Ханьюань. Он сидел в кресле, поправляя свой наряд. За несколько дней отдыха в загородной резиденции он заметно посвежел, щеки его слегка порозовели — сразу видно, что окружен был самой лучшей заботой.

— Любезная моя, ты пришла, — проговорил он.

Лю Цзюй называл её так лишь в двух случаях: либо когда был в хорошем настроении, либо когда нужно было проявить вежливость к представителю влиятельного клана. Чжао Луинь понимала, что второй вариант сейчас не подходит, значит, император пребывал в добром расположении духа.

Она успокоилась и улыбнулась:

— Ваше Величество, выглядите вы весьма довольным.

Лю Цзюй рассмеялся:

— В последние дни по всем землям ходят слухи о бедствиях. Не ожидал, что всё пройдет так гладко, хотя содержание этих слухов довольно странное. У тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

Он выглядел совершенно спокойным, словно просто из любопытства задал вопрос. Чжао Луинь покачала головой и польстила ему:

— Ваше Величество обладает великой благодатью, все ваши желания исполняются.

— Ха-ха, истинно так! Знаешь ли ты, что господин Фань Ци недавно вернулся из странствий? Я ждал его очень долго. Едва он прибыл, я тут же распорядился позвать его во дворец, чтобы он написал мой портрет. Я вызвал тебя, чтобы он заодно нарисовал и тебя — в награду за те советы, что ты давала мне в последнее время.

Господин Фань Ци... В народе поговаривали, что он — перерождение святого живописца У Даоцзы. Его мастерство было непревзойденным, особенно в широких мазках, в которых сквозила мощь и тонкий дух.

Он хочет, чтобы её нарисовали? Каким бы талантливым ни был художник, картину на хлеб не намажешь. Чжао Луинь подумала, что лучше бы он отсыпал ей золота.

— Ваше Величество, господин Фань Ци прибыл.

Чжао Луинь обернулась. Позади евнуха Фуцюаня шел старик лет пятидесяти. Его седые волосы были растрепаны, что придавало ему вид вольного странника. Она подумала: почему великие мастера всегда выглядят такими неряхами? Может, это способ подчеркнуть свою загадочность?

Фань Ци, не проронив ни слова, развернул свиток рисовой бумаги и принялся изучать Лю Цзюя. Стоявший рядом евнух, похоже, был к этому готов и тут же принялся растирать тушь. Чжао Луинь взглянула на императора: он ничуть не сердился на такое поведение художника, напротив — сам поправил позу, чтобы тому было удобнее. Любого другого за подобное поведение в тронном зале уже давно бы высекли палками.

Она пожалела, что в свое время выбрала не тот путь. Нужно было прикинуться мудрецом и убедить Лю Цзюя, что лай собаки продлевает жизнь.

— Госпожа Пэй, выпейте чаю, — Фуцюань подал ей чашку. Поскольку по порядку очередь доходила до неё лишь после того, как закончат с императором, Чжао Луинь оставалось только ждать.

— Что это? — она заметила на столе другие портреты.

— Это портреты покойного императора, их принесли, чтобы господин Фань мог изучить их для сравнения, — пояснил Фуцюань.

Покойный император... Чжао Луинь до семнадцати лет жила на севере и приехала в столицу, когда Лю Цзюй уже взошел на престол.

— Госпожа Пэй, вы ведь никогда не видели покойного императора? — Фуцюань улыбнулся, заметив её любопытство, и велел принести один из свитков, чтобы она могла рассмотреть его.

Тонкие брови, ясный взгляд, одухотворенное лицо. Чжао Луинь была поражена. Она слышала, что покойный император был красавцем, но считала это преувеличением — глядя на тучного Лю Цзюя, трудно было представить, что его отец был столь статен. Однако...

Чжао Луинь присмотрелась внимательнее. Лицо казалось смутно знакомым. На кого же он похож? Она долго ломала голову, но так и не смогла вспомнить. Она хотела спросить Фуцюаня, но тут взгляд её упал на его одеяние — наряд евнуха.

Точно... Он похож на Сяо Хэ.

Сяо Хэ — сын покойного императора, сходство вполне естественно. Но... Чжао Луинь охватило сомнение. Если даже она видит это сходство, неужели никто из старых слуг, знавших покойного государя, не замечает, как Сяо Хэ на него похож?

— Госпожа Пэй! Госпожа Пэй! — Фуцюань позвал её несколько раз. Чжао Луинь очнулась.

— Ах, да...

— Теперь ваша очередь.

Сяо Хэ принесли на носилках. Он был бледен как полотно, волосы спутались и прилипли к лицу от пота. Он не знал, в каком состоянии его спина, и хотел обернуться, но малейшее движение отдавалось такой болью, что он лишь судорожно хватал ртом воздух. Кровь на спине давно запеклась, одежда намертво прилипла к ранам. Если сейчас же не очистить их и не наложить мазь, это может привести к тяжелым последствиям. Его так называемый отец после подобного наказания так и не смог до конца поправиться — теперь в любую дождливую погоду его тело пронзала невыносимая боль.

Но все остальные были заняты работой, и в комнате он остался один. Если ждать их возвращения до сумерек, будет уже слишком поздно.

— Сяо Хэ!

Кто-то ворвался в комнату, прижимая к груди что-то, что тихо звенело — то ли фарфоровые пузырьки, то ли банки.

— Ху Чэн... — прошептал он.

Ху Чэн был тем, с кем он познакомился, едва попав в Управление евнухов. Они выросли вместе, поддерживая друг друга в этом глубоком дворце.

— Как ты здесь оказался?

Они служили в разных местах: Сяо Хэ — в Департаменте внутренних дел, а Ху Чэн — в Департаменте дворцового порядка. Сейчас был день, и если Ху Чэн бросил работу, чтобы прийти сюда, это было самоубийством. Сяо Хэ хотел было прогнать его, но тот перебил:

— Не отталкивай меня. Я прокрался тайком, никто не заметил. Дай я обработаю твои раны, хорошо? — Ху Чэн отстранил его руку и выложил на кровать все свои припасы. — Если не лечить эту рану, станешь как твой отец. Он сейчас один за пределами дворца, ждет, когда ты начнешь его содержать.

Евнухи проводят во дворце полжизни, и в старости, если они не служили знатым особам, их выпроваживают за ворота. Но безродных людей считают вестниками беды, и выход за стены дворца, который называют свободой, на самом деле — путь к смерти. Поэтому многие евнухи в молодости усыновляли детей, чтобы было кому кормить их в старости. «Отец» Сяо Хэ, Сяо Байпин, два года назад был отправлен из дворца и теперь жил в крошечной хижине при храме.

Сяо Хэ промолчал, но руку опустил. Это было молчаливое согласие. Ху Чэн с облегчением вздохнул и сел на край кровати, чтобы снять с него одежду. Нижнее белье намертво присохло к

плоти, но, к счастью, у Ху Чэна были ножницы. Он аккуратно разрезал ткань и начал снимать её по частям. Даже при всей осторожности Сяо Хэ от боли покрылся холодным потом.

— Что ты такого натворил, что тебя так жестоко наказали? — Ху Чэн вздрогнул, увидев кровавое месиво выше поясицы.

— Я... я ни в чем не виноват... — Сяо Хэ стиснул зубы. От невыносимой боли в голосе слышались слезы.

— В этом дворце мы должны быть осторожны в каждом шаге, — вздохнул Ху Чэн. — Ты иногда слишком упрям, это не доводит до добра...

Слишком упрям? Разве он был упрям? Он даже извинился, чтобы не нажить неприятностей, но беда всё равно настигла его.

— Сколько же нам еще терпеть... — прошептал Сяо Хэ. — Может, только после смерти можно перестать терпеть?

— Не смей даже думать о таком! — голос Ху Чэна дрогнул. — Мы будем вести себя тихо, и никто нас не тронет. Пройдет год-другой, в Управление наберут новичков, выберешь одного-двух в сыновья, и жизнь наладится. Поправляйся, скоро сможешь проситься за ворота, ты ведь давно не видел дядюшку Сяо. Поговорите с ним по душам.

Ху Чэн продолжал говорить, накладывая мазь, а Сяо Хэ, лежа на подушке, лишь молча кивал.

Жизнь наладится...

Правда ведь?

<http://bllate.org/book/19166/1881881>